

УДК 821.161.1 “ 95

Е.С. Лавриненко

СИМВОЛИЗМ В КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Лавриненко О.С.

СИМВОЛИЗМ В КРИТИЧНОМУ СПРИЙНЯТТІ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

У статті аналізується спроба Ходасевича-критика осмислити етапи розвитку символізму, його основні досягнення та причини занепаду. Естетика символізму розглядається критиком у широкому контексті російської літератури “срібного століття”.

Ключові слова: естетика символізму, ліричний суб’єктивізм, життєтворчість.

Лавриненко Е.С.

СИМВОЛИЗМ В КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

В статье анализируется попытка Ходасевича-критика осмыслить этапы развития символизма, его основные достижения и причины распада. Эстетика символизма рассматривается критиком в широком контексте русской литературы “серебряного века”.

Ключевые слова: эстетика символизма, лирический субъективизм, жизнетворчество.

Lavrynenko E.S.

SYMBOLISM IN THE CRITICAL REVIEW OF V. KHODASEVICH

The article is devoted to the critical analysis of the stages of development of symbolism, its contribution into Russian culture and features of decadence. Aesthetics of symbolism is viewed in the wide context of literature of the “silver age”.

Key words: aesthetics of symbolism, personal identification, life creativity.

Эстетика модернизма, сформировавшаяся в начале XX века, характеризовалась появлением принципиально новых концепций мира и человека. Философская мысль возродила интерес к личности человека, оправдала и вернула его в подлинный мир вечных идей и ценностей. Эстетика многообразных литературных направлений эпохи

«серебряного века» (символизма, акмеизма, футуризма) провозгласила принцип творческой активности личности.

Эксперименты модернизма оказали заметное влияние на критическое и поэтическое творчество В.Ф. Ходасевича. Главным литературным направлением, притягивающим критическую и литературно-теоретическую мысль Ходасевича, стал символизм. Будучи живым свидетелем его стре-

мительного взлета и мучительного распада, Ходасевич сделал это направление основным содержанием своих статей, сполна отдал ему дань и в ранней поэзии. В символизме критик усматривал последнюю большую культуру, имевшую духовное обоснование. Он единственный в современной автору культурной ситуации воспринимался Ходасевичем как серьезное творчество, художественный метод.

Критика Ходасевича неоднократно становилась предметом исследования современных литературоведов. Достаточно вспомнить труды Н.А. Богомолова, Л.И. Гавриловой, В. Перельмутера и других [1; 3; 4]. В то же время следует отметить, что восприятие и оценка символизма Ходасевичем – проблема недостаточно изученная и потому представляющая несомненный научный интерес.

Данное исследование ставит целью проанализировать те критические работы и письма Ходасевича, в которых отражено осмысление им феномена символизма, выявлена связь символизма с классикой и предпринята попытка определить степень влияния этого направления на русскую культуру того времени.

Символизм с его особой духовной культурой был близок Ходасевичу с юности. Его творческий путь начался в тот период, когда символизм занимал ведущее место в литературном процессе эпохи, и поэт с гордостью отмечал впоследствии, что «успел еще вдохнуть его воздух» [14, с. 173]. Учеба в гимназии одновременно с братом В. Брюсова, дружба с Виктором Гофманом и сторонниками символизма сближали Ходасевича с этим литературным направлением. В 1904 – 1905 годах он знакомится с В. Брюсовым, К. Бальмонтом, А. Белым. В символизме Ходасевич ощущал себя «как в родной семье, самым младшим, последышем. Именно поэтому “тонкие яды” символизма пронизали его душу насквозь и сделали его тем поэтом, каким он стал, хотя от классического символизма его отделяет очень многое» [2, с. 9]. По мнению Н. Богомолова, в раннем творчестве Ходасевич стремился «угнаться за своими учителями в поэзии – за Брюсовым, Белым, отчасти – Блоком и Сологубом» [1, с. 119]. Однако подражательство в чистом виде не было присуще даже раннему творчеству Ходасевича. Это было осмысленное освоение проблематики и образности, необходимое литературное ученичество, которое играло существенную роль в формировании индивидуальной творческой манеры Ходасевича-поэта. Сам Ходасевич в критической статье «Отплытие на остров Цитеру» отмечал, что сущность Шекспира, Гете, Пушкина и других оригинальных художников состоит «не в том чужом, что заимствуемо и повторимо, а в том собственном, личном, неотъемлемом и неповторимом, чем отдельные

“краденые” места у них связаны, спаяны, преобразены и приведены к таинственному единству» [11, с. 605]. В процессе творческого становления Ходасевич осваивал наследие символизма и постигал феномен мира и человека сквозь призму символистских воззрений.

Еще в России Ходасевич выработал своего рода литературно-критический канон, в рамках которого был написан ряд работ, послуживших своего рода платформой для дальнейшего размышления о судьбе символизма. Это отразилось в статьях «Надсон», «“Русская поэзия” Обзор», «“Juvenilia” Брюсова», «О завтрашней поэзии», без обращения к которым невозможно понять авторскую концепцию восприятия символизма.

Символизм в концепции Ходасевича становился настоящей поэтической школой. У этого направления была не только своя эстетика, но, по словам Ходасевича, «особый дух (genius loci), дыхание которого разнилось широко. Тот, кто дышал этим воздухом символизма, навсегда уже чем-то отмечен, какими-то особыми признаками <...>. В них есть что-то общее и не в писаниях только, но также в личностях» [10, с. 173]. При всех внутренних противоречиях символизм ощущал себя в культуре того времени монолитным единством «избранных» перед лицом «своих современников-чужаков». Особенностью восприятия символизма Ходасевичем являлась установка на восприятие творчества автора в единстве с его биографией, поскольку только в случае восстановления быта и личной судьбы писателя гарантируется полнота понимания.

«Классическим» представителем символизма, объявившим это направление «осью своей жизни», Ходасевич называет А. Белого. В связи с тем, что Белый своим творчеством формировал эстетику течения, для Ходасевича было не принципиально, что Белый был «младосимволистом», поскольку его искания практически целиком укладывались в русло этой эстетики. Эта особенность художественной манеры Белого заставляет Ходасевича концентрироваться больше на личности поэта. Критик отчетливо показывает доминирующую черту характера Белого – его импульсивность: «вечно мятущийся, вечно взволнованный до самых глубин души своей» [7, с. 3]. Эта импульсивность приводила к тому, что в творчестве Белого «печать спешности, недозрелости, порой срыва лежит почти на всем» [7, с. 3].

Особой фигурой в концепции Ходасевича становится В. Брюсов. Характеризуя раннюю лирику вождя русских символистов, критик справедливо отметил ключевой постулат его художественной позиции: «процесс творчества есть для него процесс нахождения соответствий между «идеальным» и «этим» миром, процесс преобразования «этого праха» в «идеальную природу» [6, с. 404].

Ходасевич осознавал, что для Брюсова символизм был ценен, прежде всего, своей философской, а не нравственной стороной. Если в ранних статьях Ходасевича брюсовская эстетика предстает квинтэссенцией символизма, то по прошествии лет критик обвиняет его в самом тяжком грехе: разрушив интимную связанность поэтической и биографической сфер, развенчав религиозный ореол творчества, Брюсов стал «зачинателем» уже не символизма, а декадентства – внутренней язвы, точлившей и убивавшей дух последнего «большого искусства». Для самого Ходасевича символизм был не просто литературным направлением, а скорее принципом духовной культуры. Приоритет эстетики и философии над нравственно-этической категорией привел, по мнению критика, к утрате гармонии в символизме. В поэзии же самого Ходасевича эстетические и этические категории были органически взаимосвязаны. Для Ходасевича Брюсов «непрозрачен»: за символическими формами его поэзии невозможно угадать автобиографический подтекст его лирики. Несовпадение Брюсова с его жизненными проявлениями для него самого было вполне очевидным и осознанным. Насколько Муни и Рената «растворены» в житнетворчестве, настолько Брюсов отстранен от своих героев. Ходасевич подчеркивал, что Брюсов не был в своем глубоком существе поэтом, как не был он и символистом, навсегда оставшись декадентом. Критик не принял брюсовскую игру, так как считал, что Брюсов играет сверх меры. Хотя в отношении Брюсова у Ходасевича был личный повод: Ходасевич ощущал потребность отделить себя от того, с кем его упорно связывали. Это не удивительно, поскольку ранее творчество прошло для Ходасевича под знаком Брюсова. Причем о подражательстве заявлял сам метр: «юные под-бальмонтики, под-брюсюники, под-весники (Ходасевичи и проч.)...» [5, с. 7].

Брюсов реагирует на все новое, подхватывает и становится во главе его. Этого Ходасевич не отрицает, отмечая литературную интуицию мэтра символизма, но в умении угадать, быть непременно впереди всех Ходасевич видит обычную расчетливость, неорганичную для поэта. Сам же Брюсов в первом сборнике «Северные цветы» подчеркивал, что целью творчества является не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение, причем все внешнее, игровое вполне оправдано, если работает на многообразное выявление своего «я». Ходасевич же увидел маску: с нее началось неприятие им игры Брюсова, смешивающего личину и Лицо.

Критик постоянно подчеркивал, что в «людах символизма» важно отделить маску от личности. Перевоплощаться, чтобы не потерять себя, а обрести самоутверждение, – это самое ценное в человеке для него. Ходасевич неоднократно под-

черкивает, что жизнь для символистов – театр. Театр, маска, роль – один из самых распространенных образов русской литературы предоктябрьского десятилетия. Театральность жизни была отражена в таких произведениях, как «Снежная маска» А. Блока, «Черные маски» Л. Андреева, «Маскарад» А. Белого, «Маскарад» М. Арцыбашева, «Маски» А. Серафимовича и т.д. Маски присутствовали в философской прозе Ницше, в живописи и на сцене. Театрализация жизни, ее маскарадность выливалась в самые разнообразные формы. В жизни, в отношениях между людьми стиралась грань между сценой и реальностью. Театр для себя был вполне естественен в эпоху символизма, постепенно превращаясь в «театр для других». Воскрешаются костюмированные балы, маскарады. О таких попытках возвращения былого Ходасевич писал в портретном очерке «Гумилев и Блок». Но при этом критик подчеркивает надуманность той среды, атмосферу которой хотел показать в своих воспоминаниях.

Критик констатирует переизбыток опасной и жестокой игры в символизме. Ходасевич и сам участвовал в разыгрывании собственной жизни в этом театре. Но его спасло то, что в одной из своих поздних статей «Два поэта» (1936) он назвал «инстинктом поэтического самосохранения». В этой статье на примере рано погибших поэтов эмиграции Ходасевич рассматривает тот же житнетворческий конфликт, которым он сам жил в пору своей символистско-декадентской молодости. Анализируется судьба Бориса Поплавского – жертвы нарушения гармонии, «которая должна сохраняться между работой поэта над своей человеческой личностью» и «личностью литературной», и Н. Гронского, стремившегося «остаться в поэзии, творчестве, которое для поэта всегда реальнейшая из реальностей» [13, с. 362–377]. «Воздухом символизма» дышали и те, кто не причислил себя к символистам. Трагедия символизма, по мнению Ходасевича, состоит в том, что последнее настоящее искусство оказалось иллюзией, игрой: «Непрестанное стремление перестраивать мысль, жизнь, отношения <...> вело символистов к непрестанному актерству над самим собой – к разыгрыванию собственной жизни» [14, с. 10–11]. Критик подчеркивал, что во всяком руковорном конструировании себя чувствуется полная обреченность, не созидание, но всегда разрушение: «Так играли словами, коверкая смыслы – коверкая жизнь. Впоследствии исковеркали жизнь и самой Жене, облеченной в Солнце, и мужу ее, одному из драгоценнейших русских поэтов» [14, с. 13]. Он усматривает в «двойном существовании» символистов попытку сближения личностного и реального плана, что способствовало логике символистского житнетворчества. Стремление «слить воедино жизнь и творчество» оборачивается непрестанной жаж-

дой перестраивать мысль, жизнь, отношения, повинуюсь очередному «переживанию». Это влечет к «непрестанному актерству перед самим собой – к разочарованию в собственной жизни. Как бы на театре более или менее жгучих импровизаций» [14, с. 69]. Игра становится жизнью, жизнь превращается в игру. Игра (степень вовлеченности) – наиболее характерный критерий оценки «людей символизма».

Подобное переосмысление Ходасевичем и роли Брюсова к 1905 году, стремление отгородить от его влияния символизм, приводит к тому, что теперь основателями «великого искусства серебряного века» Ходасевич называет других литературных деятелей и центральной фигурой среди них объявляет А. Блока. В статье «О Гумилеве», Ходасевич писал: «... провозглашая символизм как мирозерцание, а не как поэтическую школу, именно они (Блок, Белый, В. Иванов – Е.Л.), в противовес Брюсову, пытавшемуся вновь связать поэзию с жизнью, от которой Брюсовым она уходила в “только литературу”, создали это течение» [12, с. 3]. По Ходасевичу, Блок – вершина символизма, недостижимая ни для кого из стоящих рядом с ним и возносящаяся за пределы своей эпохи в ту сферу, где теряют силу любые литературные подразделения. Блок – едва ли не единственный среди людей символизма – соотносим с высшим для Ходасевича критерием – с Пушкиным.

В своих дальнейших статьях Ходасевич к оценке наследия символизма подходил исторически, отделяя его истинные достижения от эпигонских перепевов позднего периода, когда «стройные и простые линии здания (символизма – Е.Л.) начали обрывать украшениями, символизм – эстетизмом и декадентством, живое зерно – шелухой» [8, с. 481]. Даже в условиях эмиграции Ходасевич занимался переоценкой русского символизма. В 1928 году в статье «О символизме» он справедливо указывал, что «символизм не только еще не изучен, но, кажется, и не прочитан» [10, с. 174]. Действительно, в тот период, когда писалась эта статья, символизм еще находился в стадии критического, но не научного изучения и оценки.

Однако сам Ходасевич уже в то время стремился определить наиболее важные признаки эстетики русского символизма. К ним он отнес разрушение границ между жизнью и искусством, стремление символистов к жизнотворчеству. Преобладание лиризма Ходасевич объяснял следствием «теснейшей и неразрывной связи писаний с жизнью» [10, с. 175]. Это дало ему основание утверждать, что «в пределе он (символизм – Е.Л.) не был “художественным течением”, школой, а был жизненно-творческим методом, который тем полнее оказывался применен, чем жизнь и творчество были в том или ином случае теснее сплавлены» [10, с. 176]. Наряду с лиризмом важнейшей чер-

той символизма, по мысли Ходасевича, был «крайний субъективизм». Личность художника поднялась в концепции символизма на недостижимую высоту. Только творцу отводилась роль демиурга, создающего собственные миры, и вместе с тем обладающего доступом в мир идеальный, противостоящий пошлой реальности.

Причины краха символизма поэт видел в том, что в нем полностью игнорировались этические нормы. Полагая, что для символистов действительность была «маской, скрывающей иную, более подлинную реальность», Ходасевич проницательно заметил, что лирический субъективизм был обусловлен не в последнюю очередь неприятием «всякого искусства, воспроизводящего действительность непреображенной» [9, с. 184].

Само же преобразование реального мира, ставшее творческой задачей каждого истинного символиста, осуществлялось сквозь призму его собственного мировосприятия и в меру отпущенного ему таланта. В конечном счете символист изображал не «мир, а, в сущности, самого себя» [9, с. 185]. В этом проявилось существенное расхождение позиции Ходасевича с символизмом, поскольку для Ходасевича была неприемлема провозглашенная символизмом идея жизнотворчества вне ее действительной реализации.

Ходасевич отмечает противоположный подход к решению творческих задач у реалистов и символистов. Символист изображает, по сути, свой собственный внутренний мир. Иную позицию занимает, например, Бунин: «он хочет быть созерцателем, – пишет Ходасевич, – он благоговейно отходит в сторону, прилагая все усилия к тому, чтобы воспроизвести боготворимую им действительность наиболее объективно» [9, с. 184].

Стремясь беспристрастно оценить обе художественные позиции, Ходасевич обращает внимание на их достоинства и в то же время отмечает недостатки: в одном случае – «крайний субъективизм», в другом – чрезмерную объективизацию изображения, когда «для личности художника места не остается» [9, с. 185]. В отличие от традиционного взгляда на вектор развития модернизма от декадентства к собственно символизму В. Ходасевич склонялся к мысли о том, что «здоровое и жизненное ядро» раннего символизма впоследствии уступило место эстетизму и декадентству [8, с. 481].

Утверждая, что «символизм как эпоха кончен», Ходасевич тем не менее считал, что «новые задачи, поставленные символизмом, открыли для поэзии также и новые права. Подсказаны были новые темы, была перестроена система образов, многие условности отброшены, поэзия обрела новую свободу» [9, с. 185]. Это суждение остается справедливым и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Н.А. Владислав Ходасевич в Московском и Петроградском литературном кругу / Н.А. Богомолов // Новое литературное обозрение. – 1995. – №14. – С. 119 – 130.
2. Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича / Н.А. Богомолов // Ходасевич В.Ф. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1989. – С. 5 – 48.
3. Гаврилова Л.И. Русская литература в критике В.Ф. Ходасевича: дисс. ...канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» / Гаврилова Лариса Ивановна. – Курск, 2003. – 166 с.
4. Перельмутер В. Несколько слов о Ходасевиче-критике / В. Перельмутер // Октябрь. – 1988. – № 6. – С. 195 – 202.
5. Письмо В.Брюсова к П. Перцову (24 сентября 1905 г.) // Печать и революция. – 1927. – №7. – С. 7.
6. Ходасевич В.Ф. “Juvenilia” Брюсова // Собрание сочинений: В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996 – Т.1. – С. 403 – 406.
7. Ходасевич В.Ф. А. Белый // Возрождение, – 1934. – 28 июня. – С. 3.
8. Ходасевич В.Ф. О завтрашней поэзии // Собрание сочинений: В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996 – Т.1. – С. 481–484.
9. Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина // Собрание сочинений: В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996 – Т.2. – С. 181 – 188.
10. Ходасевич В.Ф. О символизме // Собр. соч.: В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996. – Т.2. – С. 173 – 177.
11. Ходасевич В.Ф. Отплытие на остров Цитеру // Колеблемый треножник: Избранное / В.Ф. Ходасевич – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 603 – 607.
12. Ходасевич В.Ф. Новые стихи // Возрождение, – 1935. – 28 марта. – С. 3.
13. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996 – Т.2. : Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика : 1922 – 1939: [сост. и коммент. И.П. Андреевой, С.И. Богатыревой, С.Г. Бочарова, А.Ю. Галушкина]. – 1996. – 573 с.
14. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / В.Ф. Ходасевич – М. : Согласие, 1996 – Т.4 : Некрополь. Воспоминания. Письма: [сост. и коммент. И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова, Н.А. Богомолова]. – 1997. – 741 с.